

Рассказы из русской истории XVIII века

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. / Сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева; Комм. С. С. Дмитриева и Л. П. Дойниковой.-- М.: Правда, 1989.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Сто свадеб в Астрахани
- II. Булавин
- III. Мазепа
- IV. Монах Самуил (страницы из истории раскола)
- V. Птенцы Петра Великого
- VI. Петр Великий на Каспийском море

I

СТО СВАДЕБ В АСТРАХАНИ

Была страшная для Москвы осень 1698 года: на Красной площади, на зубцах городской стены, гнили трупы казненных стрельцов; слышались жалобные причитания женщин перед изуродованными телами мужьев, отцов и братьев. Одна из этих несчастных, поплакавши над трупами мужа и деверя, заходила вместе с сыном в дом Федора Лопухина¹, к человеку его Терентию Андронову. Там, в разговорах с женой Терентия, она отводила душу в жалобах, которым встречала сильное сочувствие: дом Федора Лопухина был опальный; царь Петр недавно развелся с Лопухиной, отослал ее в монастырь. "Жаль стрельцов,-- говорила жена Андронova стрельчихе,-- разослали их с Москвы, а теперь настала служба и новая вера, велят носить немецкое платье". Сын стрельчихи, Степан, внимательно прислушивался к жалобам женщин; у него была одна крепкая дума: отомстить за отца и дядю; но как отомстить? В ушах у него раздавались слова Андроновой: "Новая вера, немецкое платье".

В Москве нечего было делать Степану: здесь нельзя было поднять стрелецкого дела. Степан решился идти в Астрахань, там раздуть мятеж, поднять Поволжье за старую веру и старое платье, идти к Москве, разорять и побивать правителей государственных и офицеров, особенно иноземцев, мстя за то, что стрельцы казнены, и бить челом государю, чтобы велеть быть старой вере, чтобы немецкого платья не носить и бород не брить. У Степана был в живых еще дядя, который жил в Коломне; к этому-то дяде зашел он на перепутье и встретил полное сочувствие своему замыслу; старик был грамотный, ловкий на разного рода дела; он написал племяннику две грамотки: одна была -- проезжее воровское письмо, в котором говорилось, что Степан отпущен из Коломны в Астрахань для свидания с братом; другая -- подметное, возмутительное письмо: в нем говорилось, что государя на Москве нет, пошел с полками против шведов, и хотят российское государство разделить на четыре части.

Пришедши в Астрахань, Степан стал сближаться с людьми, которые были склоннее к старине, которые имели причины не любить нового, стал ходить к раскольникам, к стрельцам и толковать с ними о новой вере, о немецком платье, о владычестве немцев над Россией. Иные притакивали ему: "Правда, правда! все это сбудется!" Другие сомневались, противоречили Степану, но тот говорил все громче и громче, а громкое слово -- страшная сила в обществе, подобном астраханскому в начале XVIII века, и вот около Степана начали собираться люди, вполне ему верившие. Так прошло несколько лет; Степан увидел, что дело подготовлено, и в июне 1705 года пронеслась площадная молва, что государя не стало, и потому воевода Тимофей Ржевский и начальные люди веру христианскую покинули, начали бороды брить и в немецком платье ходить. Распустив этот слух, Степан ушел на задний план; вперед выступили другие люди, более способные сделать из слова дело. Четверо посадских: Быков, Шелудяк, Колос и Носов стали